

А. Богданов

Новый мир
(статьи 1904-1905)

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Богданов**
Новый мир: (статьи 1904-1905) / А. Богданов – М.: Книга по Требованию,
2019. – 170 с.

ISBN 978-5-517-84360-9

ISBN 978-5-517-84360-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ АВТОРА.

Эти три статьи составляютъ одно цѣлое. Въ нихъ я стремился обрисовать развитіе новаго, высшаго типа жизни, какъ я его понимаю. Статья первая посвящена измѣненію типа человѣческой личности—устраненіе той узости и неполноты человѣческаго существа, которыя создаютъ неравенство, разнородность и психическое разъединеніе людей. Статья вторая говоритъ объ измѣненіи типа общественной системы—устраненіе элементовъ принужденія изъ отношеній между людьми. Статья третья намѣчаетъ измѣненія типа человѣческаго познанія—освобожденіе отъ фетишей, ограничивающихъ и извращающихъ познавательное творчество. Въ выясненіи вопросовъ я старался идти по тому пути, который указанъ

Марксомъ — искать линіи развитія «высшихъ» проявленій человѣческой жизни, опираясь на ихъ зависимость отъ развитія *основныхъ* ея условій. Въ моей работѣ дѣло идетъ, разумѣется, только о самыхъ общихъ контурахъ новаго жизненнаго типа.

I.

Собирание челоуѣка.

«Создалъ Богъ челоуѣка по образу
и подобию своему...» *Книга бытія.*

«Общественное бытіе опредѣляетъ
собою сознание людей...» *К. Марксъ.*

«Челоуѣкъ — мостъ къ сверхчелоуѣку».
Фр. Ницше.

Что такое челоуѣкъ? Вопросъ этотъ одни рѣшаютъ слишкомъ просто и конкретно, другіе слишкомъ сложно и отвлеченно. Оба типа рѣшеній во многомъ сходятся между собою не только со стороны реального содержания, которое охватываютъ, но и со стороны основной точки зрѣнія, изъ которой исходятъ. Это *наивныя* рѣшенія.

Для обывателя «челоуѣкъ» вовсе не загадка, не «проклятый вопросъ», а просто живой фактъ его обывательскаго опыта: «челоуѣкъ» — это онъ самъ, и другіе обыва-

тели и всѣ, кто обладаетъ достаточнымъ сходствомъ съ ними. Рѣшеніе, какъ видимъ, не только наивное, но явнымъ образомъ и не вполне опредѣленное. Однако оно совершенно удовлетворяетъ обывателя: своей незатѣйливостью оно какъ нельзя болѣе соответствуетъ несложности запросовъ обывателя, своей узостью—крошечнымъ размѣрамъ того міра, въ которомъ онъ живетъ.

Для философа-метафизика «человѣкъ»— великая загадка, но при помощи «самонаблюденія», «умозрѣнія» и другихъ методовъ онъ разрѣшаетъ ее довольно легко: «человѣкъ»— это существо, одаренное «разумомъ», «нравственною свободою», «стремленіемъ къ абсолютному» и т. п. возвышенными свойствами. Формулы какъ будто не слишкомъ отчетливыя, не слишкомъ точныя; но для метафизика онѣ обладаютъ вполне достаточной опредѣленностью. Онѣ удовлетворительно резюмируютъ его личный опытъ, кабинетный и житейскій: «разумъ» для него означаетъ способность къ схоластическимъ упражненіямъ, съ ихъ тонкостями и ухищреніями; «нравственная свобода»—склонность нарушать оvoi практическіе принципы и затѣмъ раскаиваться въ томъ, что посту-

пилъ такъ, а не иначе; «стремленіе къ абсолютному» — общую неудовлетворенность жизнью, смутное сознание безсодержательности и бесплодности своего существованія, и т. д. И здѣсь наивность мышленія заключается въ томъ, что свой маленькій и дрянной мірокъ, не стараясь расширить и развить его дѣйствительное содержаніе, дѣлаютъ, незамѣтно для себя, мѣрою для такой большой вещи, какъ человѣчество.

Наивнымъ точкамъ зрѣнія противопологаются научныя. Къ сожалѣнію, въ этомъ вопросѣ ихъ имѣется до сихъ поръ не одна, а нѣсколько. Такъ, для общей науки о жизни «человѣкъ» характеризуется опредѣленными анатомическими и фізіологическими особенностями, для психологіи — опредѣленными сочетаніями фактовъ сознанія, для соціальной науки — опредѣленными отношеніями къ себѣ подобнымъ и т. д. Всѣ эти точки зрѣнія, разумѣется, вполне законны и удовлетворительны — каждая въ своей области; но въ одномъ отношеніи онѣ недостаточны и уступаютъ даже наивно-обывательской и наивно-схоластической: всѣ онѣ «парціальны», частичны.

«Человѣкъ» есть *цѣлый міръ опыта*. Этотъ

міръ не охватывается полностью ни анатомическимъ и фізіологическимъ комплексомъ «человѣческое тѣло», ни психическимъ комплексомъ «сознаніе», ни социальнымъ—«сотрудничество»... И если мы просто соединимъ, механически свяжемъ всѣ эти точки зрѣнія, у насъ еще не получится *цѣлостной* концепціи: собраніе частей еще не есть цѣлое.

Въ этомъ смыслѣ и обывательская точка зрѣнія, и ея разновидность—схоластическая имѣютъ несомнѣнное преимущество: каждая изъ нихъ *формально* беретъ человѣка цѣлкомъ, не отвлекая ту или другую его «сторону». Но отъ такой формальной цѣлостности, къ сожалѣнію, толку очень немного, потому что *содержаніе* въ обоихъ случаяхъ берется мелкое и неопредѣленное. Самая «широта» этихъ концепцій оказывается узкой и односторонней: «человѣкъ» выступаетъ въ нихъ не какъ нѣчто безпредѣльно развивающееся, а какъ нѣчто неподвижное въ своихъ основахъ, статически-данное: въ одномъ случаѣ онъ всецѣло ограничивается рамками обывательщины наивной, въ другомъ — рамками обывательщины философской; здѣсь онъ навсегда обрекается быть существомъ «полнымъ страха и надежды, что Богъ сжалятся

надъ нимъ», тамъ — существомъ, полнымъ праздныхъ размышлений чистаго разума объ истинномъ познаніи и безнадежныхъ мечтаній разума практическаго о преодолѣніи всѣхъ инстинктовъ. Общая предпосылка состоитъ въ томъ, что «всякой твари предѣлъ положенъ есть», его же не преjdeши...

Задача состоитъ въ томъ, чтобы дать *научную* и въ то же время *интегральную*, а не частичную только концепцію «человѣка». Для этого надо разсматривать человѣка не только какъ цѣлый міръ опыта, но и какъ міръ развертывающійся, неограниченный никакими *безусловными* предѣлами.

I.

Человѣкъ — міръ, но міръ частичный, не космосъ, а микрокосмъ, не Все, а только часть и отраженіе великаго цѣлаго.

Но почему онъ не цѣлое? Что дѣлаетъ его частью? То, что связываетъ его съ цѣлымъ.

Если бы человѣкъ былъ одинъ, онъ не былъ бы микрокосмомъ. Его опытъ и міръ совпадали бы между собою. Онъ, можетъ быть, отличалъ бы отъ своего тѣла другіе предметы, но всѣ они были бы исключи-

тельно предметами *его* опыта. Всякое расширение этого опыта было тогда расширениемъ міра въ цѣломъ.

Общеніе съ другими существами—вотъ что дѣлаетъ человѣка микрокосмомъ.

Только это общеніе научаетъ человѣка тому, что есть вещи, которыя не принадлежатъ къ его опыту, и однако «существуютъ», потому что принадлежатъ къ опыту другихъ людей,—что есть переживанія, которыхъ онъ не испытываетъ и которыя однако «реальны», потому что протекаютъ въ сознаніи другихъ людей. Онъ убѣждается, что потокъ опыта не одинъ, а ихъ много, и всѣ они сливаются для него въ безконечный океанъ, который онъ называетъ природой.

Такимъ образомъ между «человѣкомъ»—индивидуальнымъ міромъ опыта—и «природою»—міромъ универсальнымъ—связь создается средою общенія—соціальной средою въ точномъ смыслѣ этого слова. И если мы хотимъ рѣшить вопросъ, что такое человѣкъ среди всеобщаго мірового процесса, то путь къ рѣшенію лежитъ для насъ черезъ другой вопросъ: въ какомъ отношеніи находится опытъ отдѣльнаго человѣка къ опыту другихъ живыхъ существъ?

Эти другія существа прежде всего, конечно, люди—именно тѣ, съ которыми онъ находится въ наиболѣе тѣсномъ жизненномъ общеніи,—члены того общества, къ которому онъ принадлежитъ.

II.

На зарѣ жизни человѣчества между опытомъ отдѣльнаго человѣка и коллективнымъ опытомъ его «общества» разница сравнительно очень небольшая и очень простая: это разница *количества*, а не качества.

Первобытное родовое общество—это міръ стереотипныхъ людей, съ ничтожными вариациями повторяющихъ одинъ другого. Формы жизни просты, элементарны, однообразны; все, что доступно въ опытѣ одному члену родовой группы, доступно и всякому другому; что дѣлаетъ и умѣетъ дѣлать одинъ, то дѣлаетъ и умѣетъ всякій другой; что знаетъ одинъ, то знаетъ и всякій другой. Одинакова среда, въ которой каждый изъ нихъ живетъ и дѣйствуетъ: одна и та же маленькая группа людей, одинъ и тотъ же маленькій клочокъ природы. Одинаковы и средства, которыми каждый располагаетъ въ

своей жизни и дѣятельности: одинъ и тотъ же стихійно накопленный группою запасъ трудового опыта, одни и тѣ же примитивныя орудія.

Тутъ нѣтъ ничего такого, что выдѣляло бы нѣкоторыхъ среди остальныхъ принципиально *больше широкимъ* содержаніемъ жизни, ничего такого, что отличало бы нѣкоторыхъ отъ остальныхъ принципиально *инымъ* матеріаломъ опыта. Есть только незначительныя количественныя различія силы, ловкости, памяти, сообразительности; по существу въ полномъ жизненномъ циклѣ особей опытъ каждаго равенъ опыту всѣхъ.

Мышленіе людей при этомъ имѣетъ «сплошной» характеръ. Группа живетъ, какъ цѣлое; *нѣтъ личности*, нѣтъ идеи «я», какъ особаго центра интересовъ и стремленій. Оттого и въ первобытныхъ языкахъ не было личныхъ мѣстоименій.

Не разъ пытались идеализировать первобытную жизнь, представить ее золотымъ вѣкомъ позади насъ. Отсутствие власти и подчиненія истолковывали какъ господство свободы и равенства; отсутствие внутренней борьбы въ родовой группѣ и ея тѣсную сплоченность на почвѣ кровной связи—какъ